

Стратегии пересмотра модернистского наследия в метатекстах 1970-1980-х годов XX столетия

А. Г. Штепенко

Херсонский государственный университет, г. Херсон, Украина
Corresponding author. E-mail: alexshtep@mail.ru

Paper received 26.08.2016; Accepted for publication 11.09.2016.

Анотація. В статті досліджується художественна рефлексія рускими письменниками 1970-1980-х років XX століття художественного досвіду модернізму, його знакових фігур. Виділяються загальні параметри метаконцепцій і авторських міфів, показується зв'яз інтерпретацій насліддя з творчим самоопреділенням. Характеризується круг стратегій: міфологізації, юродствования, інтелектуальної загадки, гри з читателем, епатажа, провокацій. Демонструються особливості з'єднання модернистських і постмодерністських принципів письма, доводиться перспективність відкриттів і експериментів письменників 1970-1980-х в області авторефлексії літератури.

Ключевые слова: метапроза, метадискурс, насліддя, діалог, модернізм, постмодернізм.

1970-1980-е роки XX століття залишаються періодом, найменше вивченим в аспекті самосвідомості літератури і форм її авторефлексії. Вектори художественних пошуків в даному напрямку були різнообразні. Письменники уже 1970-1980-х років відчували наростання глобальних культурних змін, виснаженість канонів офіційного мистецтва, що підтолкнуло до актуалізації перерваної модернистської традиції, формуванню постмодернізму, суттєвому оновленню реалізму, напруженим розширенням над проблемами творчості.

Ми ставимо перед собою **задачу** визначити основні стратегії пересмотру художественного досвіду Срібного століття і його знакових фігур в произведениях 1970-1980-х років, давших толчок до дальнішого творчого пошуку нових поколінь художників слова.

Якщо наукова рецепція модернистського насліддя наростає з 1980-х і вже оформилася в фундаментальні дослідження (В. А. Келдыша, І. В. Корецької, К. Г. Исупова, З. Г. Минц, Л. А. Колобаєвої, А. Ханзен-Леве, Э. А. Полоцької, Н. Д. Тамарченко, Д. М. Магомедової, Н. А. Богомоліва, С. Н. Бройтмана, І. І. Московкиної і інших), то художественні інтерпретації досвіду Срібного століття поки в достаточній ступені не обобщені.

Признаючи вплив модернистського досвіду на сучасну літературу, дослідники частіше за все говорять про впливах, а не про саморефлексії літератури. Так, розмова йде про повторну актуалізацію парадигми, в частині, про існування в сучасній літературі неомодернізму (роботи О. А. Лекманова, І. С. Заярної), неомодернізму (труді Ю. І. Левина, Д. М. Сегала, Р. Д. Тименчика, В. Н. Топорова, Т. В. Цивьяна, М. Липовецького, Т. А. Пахаревої). Виділяються і важливі типологічні риси перехідного мислення, характерного для рубежів XX століття і впливаючого на стилеві пошуки (роботи В. Хренова, А. Ю. Мережинської, В. І. Силантьєвої і др.).

При цьому неохваченним залишається аспект художественної інтерпретації Срібного століття, літератури модернізму в цілому, створення образу часу і його знакових фігур. А цей ракурс може бути незвичайно актуальним, оскільки, як ми вважаємо, зв'язаний не тільки з ретроспекцією, але і саморефлексією літератури. Він відображає творчий пошук в

умовах сучасного культурного кризи, перебудови в розвитку літератури, являється механізмом пересмотру орієнтирів і оновлення.

В мистецтві слова другої половини XX століття це явище художественної рефлексії модернистського насліддя має свою історію, демонструє динаміку і своєобразие окремих етапів розвитку.

Безумовно, своїми корнями ця тенденція уходить в мемуарне, філософське і критичне творчество самих письменників Срібного століття, їх естетичні маніфести, з'єднали різні дискурси і мови культури. Така саморефлексія літератури розглядається як знаменальна особливість даного періоду. К. Г. Исупов в цій зв'язі відзначає: "Філософія творчості, т.е. широко розуміювана "естетика" стала темою оповідання і пружиною фабули. Не кожен письменник потребував в своєму Еккермане: творчество і метатворчество, література і металітература, описання і самоописання сусідують, перетинаючись, в рамках особистих біографій то в формі самоотказу (наприклад, у А. Блока: "Молчите, прокляті книги! Я вас не писав ніколи!"), то самореабілітації (іронічні автокомпліменти І. Северяніна), то в ісповедальній агіографії (мемуарна трилогія А. Белого). Якщо література "золотого століття" традиційно філософствувала, то філософи століття "срібного" "літературничать", <...> відроджують излюблений романтиками жанр фрагмента <...> По-різному проявляються риси метатекста: філософська критика демонструє розщеплення мнень і інсценує драматургію позицій, явно або косвенно оновлює традицію сократического діалогу." [2, с. 69-70].

Після революції дана тенденція метатекстового описання активно розвивалася в літературі еміграції. Якщо в епоху Срібного століття вона відображала духовне відродження, пошук нових шляхів, то в еміграції – преемственность, збереження завойованих представлень про істинну літературу і "істинної Росії" в умовах принципіально іншого історичного і культурного контекста.

Ця тенденція була підхвачена новими поколіннями. І в літературі метрополії вона стала важливим механізмом динаміки, переосмислення своєобразія і завдань мистецтва слова, вистраивання нових естетических парадигм. Художественна інтерпрета-

ция литературы Серебряного века, ее новое открытие, ностальгическое любование чистотой дискурса, мифологизация этой эпохи ярко проявились в русской литературе в 1970-1980-е годы, что показательно совпало с развитием прозы и драматургии "новой волны" и формированием "первой волны" русского постмодернизма. Примером тому могут служить такие произведения: беллетристические мемуары В. Катаева "Алмазный мой венец" (1978), интерпретирующие эпоху и собственные ее оценки в стиле так называемого "мовизма", эссе Вен. Ерофеева – "Василий Розанов глазами эксцентрика" (1973), "Саша Черный и другие" (1982), ряд эпизодов в знаменитой "поэме" "Москва - Петушки" (1969); пьеса М. Арбатовой "Завистник" (1979), рассказ В. Каневского "Огурец навыврез" (1980-е) и другие.

Тогда это явление, как полагаем, знаменовало переоценку ценностей, смену художественных ориентиров, сознательную деконструкцию соцреализма и актуализацию модернистского дискурса. Названные процессы привели к формированию новой художественной парадигмы – постмодернизма.

Каждый из писателей предложил собственные стратегии художественной интерпретации, сущность которых еще должна быть обобщена.

Контуры этого явления могут быть очерчены, на наш взгляд, следующим образом. Вен. Ерофеев и В. Каневский используют повторную мифологизацию на обломках прежнего мифа о Серебряном веке и деконструированного ими же мифа соцреалистического.

Важной стратегией становится юродствование, характерное для русской культуры в целом, но актуализированное постмодернизмом, его повышенным игровым модусом. При этом постмодернистский релятивизм полностью отменяется суперидеей – высокого творчества, служения, мифологически высоким статусом творца. Эта суперидея, в свою очередь, оформляется в художественных традициях Серебряного века с использованием переосмысленных, отрефлексированных приемов этой парадигмы (символики, системы мотивов, слияния литературы и философии, возрождением религиозного дискурса и др.).

На создание нового мифа об эстетическом дискурсе ушедшей эпохи, а также моделирование авторского мифа о себе был нацелен и В. Катаев. Оба они воплощены в форму ребуса, интеллектуальной загадки, которые читатель призван расшифровать, раскрыть. Тем самым соединяются модернистские мифотворчество, субъективность и эпатаж с постмодернистскими игрой, шутовством, диалогичностью. К более частным приемам интерпретации или, по выражению М. Котовой и О. Лекманова, "уловкам" относятся: "превращение отрывков чужих мемуаров в подсобный материал для строительства собственного текста, а также резкое смещение акцентов и психологических мотивировок при описании событий. И наконец – сознательное умолчание о тех обстоятельствах, которые препятствовали автору "Алмазного венца" показывать читателю прошлое в нужном ему, автору, свете" [3, с. 8].

Субъективная интерпретация писателями литературной атмосферы начала XX века, создание образов знаковых фигур, художественное испытание эстети-

ческих и мировоззренческих, метафизических концепций той эпохи свидетельствовали об особом интересе к модернистской парадигме, чье развитие было искусственно прервано.

Обозначенные выше художественные тексты являются глубоко экспериментальными по духу. Они стали "художественным зондом" новых возможностей литературы и одновременно способом ее саморефлексии. Объект рефлексии – движение и художественный спектр искусства слова. Оглядываясь назад, на актуальный опыт прошлого, литература 1970-1980-х годов искала новые пути, что, собственно, и вылилось в формирование первой волны постмодернизма. Показательно, что ее вершинами стали именно метатексты, интерпретирующие не только опыт близкого модернизма, но и классики в целом ("Прогулки с Пушкиным" А. Синявского, "Пушкинский дом" А. Битова, "Москва-Петушки" Вен. Ерофеева).

Анализ стратегий переосмысления и актуализации художественного опыта Серебряного века в метатекстах 1970-1980-х годов в аспекте художественного самосознания, авторефлексии литературы является отдельной актуальной задачей. В нашей работе данная проблема освещена точно, однако и это позволяет очертить круг писательских стратегий и моделей.

Первая модель – это признание модернистского опыта как главного заново открытого ориентира самоидентификации писателей в андеграунде (проза Вик. Ерофеева). Вторая – интерпретация перелома эстетических и идеологических представлений, смены ориентиров писательской идентичности (для этого избирается материал революционного переходного периода) и попытка создания на этой базе обобщенной модели творца, отражающей и специфику автора, собственно, любого "малого гения". Эта попытка осуществлялась в официальной литературе ("Алмазный мой венец" В. Катаева), что также посвоему свидетельствует о начале кардинальных эстетических сдвигов, о разрушении соцреалистического канона, возвращении модернистских принципов письма и формировании постмодернистских. Эта модель интересна гротескным совмещением соцреалистического кода с модернистскими установками, авангардным по духу экспериментом. Третья модель – это "восстановление" целостного художественного мира знакового писателя, отражение самого процесса авторефлексии и самоидентификации творца, переживающего смену художественных и идеологических парадигм ("Завистник" М. Арбатовой). Она сигнализирует о серьезных мировоззренческих и эстетических сомнениях писателей молодого поколения (к которому в момент написания пьесы и принадлежала М. Арбатова) и, заметим, предвосхищает следующий кризис идентичности – в 1980-е годы. Пьеса "Завистник" построена во многом на подтекстах, интертекстуальной игре, открывающих истинные намерения писательницы.

В результате размышлений приходим к следующим **выводам**. Все произведения объединяет отражение нарастающего кризиса самоидентификации, сосредоточенность на теме творца, творчества в различных ее вариациях (от сакрализации и демонизации, создания мифа или разоблачения старых стереотипов

восприятия, актуализации уже на новом этапе поднятых в революционное время проблем "художник и власть", выбора, "поисков лица").

Общими являются также признание важнейшей роли философских и эстетических рефлексий, обращение к характерным именно для модернизма приемам игры, интеллектуальной провокации, использование загадок, а зачастую и эпатажа читателей. Показательным оказывается и круг интерпретируемых фигур: это поэты Серебряного века и В. Розанов у Вен. Ерофеева, это писатели послереволюционного времени, ориентированные на модернистскую парадигму творчества и самоидентификации (Ю. Олеша в пьесе Арбатовой и большинство "малых гениев" в "Алмазном моем венце" В. Катаева).

Все писатели нацелены на создание обобщающих метаконцепций, порожденных художественной интерпретацией предшествующего модернистского опыта, но приложимых и к собственным поискам, самоидентификации и проецируемых в вечность мифа о творце.

В произведениях наблюдается соединение модернистских и постмодернистских принципов письма и

интерпретации. Именно в метатекстах 1970-1980-х годов складывается система авторских стратегий интерпретации возвращенного художественного наследия. В нее входят и тесно взаимодействуют между собой: повторная мифологизация (возникающая на обломках разрушаемого советского идеологического мифа), юродствование, апофатика, моделирование интеллектуальных загадок, игра с читателем, провокации и эпатаж. Происходит остранение, обыгрывание и повторное утверждение модернистских традиций (выработка суперидей, повышение статуса творца, синтезирование литературы и философии, возрождение религиозного дискурса, обращение к художественному языку как системе символов и мотивов символизма и постсимволистских течений и наполнение их дополнительными смыслами).

Художественные открытия писателей 1970-1980-х годов XX столетия как опыт художественной интерпретаций модернистского наследия и его использования для самоопределения с успехом использовался последующими поколениями и проявил себя как перспективное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашева Литература в поисках личности (Русская проза конца XX столетия: становление авторской идентичности)/Марина Петровна Абашева-Пермь: Издательство Пермского университета, 2001.-320 с.
2. Исупов К.Г. Философия и литература серебряного века" (сближения и перекрестки) // Русская литература рубежа

1. веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга 1. ИМЛИ РАН. М.: "Наследие", 2000 – С. 69–130.
3. Котова М.А. , Лекманов О.А. В лабиринтах романа-загадки: Комментарий к роману В.П. Катаева "Алмазный мой венец". / М. Котова, О. Лекманов. – М.: Аграф, 2004. – 288 с.

REFERENCES

1. Abasheva Literature in the search of identity (Russian prose of the end of the XXth century: formation of author's identity)/ Marina Petrovna Abasheva. – Perm': Izdatelstvo Perm'skogo universiteta, 2001. – 320 p.
2. Isupov K. G. Philosophy and literature of the silver age (approaching and perspective) // Russian literature of the turn

1. of the century (1890th – the beginning of the 1920th). Kniga 1 IMLI RAN, M.: "Naslediye", 2000 – P. 69-130.
3. Kotova M.A. , Lekmanov O.A. In the labyrinth of the riddle-novel: Commentary on the novel of V.P. Katayeva "My diamond wreath" / M. Kotova, O. Lekmanov. – M.: Agraf, 2004. – 288 p.

Strategies of reconsideration of modernist heritage in the metatexts of 1970-1980th

Shtepenko A.

Abstract. The article deals with the research of the artistic reflection of literary experience and iconic figures of modernism by Russian writers of 1970-1980th. The research examines general characteristics of metaconceptions and author's myths. The connection of the interpretation of the heritage and the artistic selfdetermination is revealed. Such strategies as: mythologization, feeble-mindedness, intellectual quiz, game with readers, shocking behavior and provocation are characterized. The peculiarities of the connection of modernistic and postmodernistic concepts of writing are defined. The prospect of the discoveries and experiments of the writers of the 1970-1980th in the field of self-reflection of literature has been proved.

Keywords: *metaprose, metadiscourse, heritage, dialog, modernism, postmodernism.*